

ОБЪ АНТИХРИСТОВОМЪ ДОБРЪ.

Настоящія критическія замѣчанія имѣютъ въ виду концепцію «Легенды объ антихристѣ», предлагаемую въ «Трехъ разговорахъ» В. Соловьева: точнѣе, одну изъ сторонъ этой концепціи, весьма существенную для Соловьева послѣдняго периода и для эсхатологіи нашего времени.

Теперь Соловьевы мало читаются. Многие относятся къ нему свысока, какъ къ превзойденному, или съ подозрѣніемъ, какъ къ еретичноствующему. Изъ всего его литературного наслѣдства, если не говорить о поэзіи, одни «Три разговора» не утратили властъ надъ умами и, вѣроятно, не скоро утратятъ ее. Въ этомъ послѣднемъ предсмертномъ произведеніи философа живеть волнующая острота проблематики, необычайная зоркость видѣнія, словно преступающая мѣру видѣнія художественнаго. Авторъ, для которого былъ «ощутителенъ и не такъ уже далекій образъ блѣдной смерти» (Предисловіе, датированное Свѣтлымъ Воскресенiemъ 1900 г.), перерастаетъ границы литературной формы и въ своей Легендѣ говорить съ вдохновеніемъ почти пророческимъ.

Именно, какъ пророчество она была и принята; какъ пророчество, она живеть въ средѣ русской христіанской интеллигенціи, просачиваясь въ широкіе церковные круги. Люди, враждебные Соловьеву, твердо стоять на этомъ его завѣщаніи, въ которомъ мыслитель отрекается отъ того, чему служилъ всю свою жизнь: отъ идеала христіанской культуры.

Произошло поразительное искаженіе перспективы. Уже плохо различаютъ своеобразно-соловьевское въ образѣ антихриста отъ традиціонно-церковнаго. Антихристъ «Трехъ разговоровъ» для многихъ сталъ образомъ каноническимъ. Кажется, что онъ просто транспонированъ изъ Апокалипсиса въ современный исторический планъ. И въ свѣтѣ этой иллюзіи пріобрѣтаетъ ложно-традиционный и канонический характеръ идея антихристова добра.

Можетъ быть, мы ломимся въ открытыя двери, доказывая цитатами то, что всѣмъ памятно: что дѣло антихриста у Соловьева совершается въ формѣ служенія добру. Эти цитаты — лишь ради точности. А что самъ Соловьевъ именно усматривалъ значительность своей идеи, явствуетъ изъ предисловія къ «Тремъ разговорамъ», напечатанного въ газетѣ «Россія» подъ заглавиемъ «О поддѣльномъ добрѣ».

Антихристъ Соловьева прежде всего «спиритуалистъ» и человѣкъ строгихъ добродѣтелей. «Не обманомъ чувствъ и низкихъ страстей и даже не высокою приманкой власти » соблазнить его. «Помимо исключительной геніальности, красоты и благородства, величайшія проявленія воздержанія, безкорыстія и дѣятельной благотворительности, казалось, достаточно оправдывали огромное самолюбіе великаго спиритуалиста, аскета и филантропа». Лишенный подлинной любви къ добру («любилъ онъ только одного себя» курс. В. С.), онъ питаетъ свою самость сознаніемъ своихъ сверхчеловѣческихъ добродѣтелей и дарованій, — вѣдь это, какъ сказано, человѣкъ безупречной нравственности и необычайной геніальности». Словомъ , это «горделивый праведникъ». Его этика прежде всего каритативна, соціальна. «Не только филантропъ, но и филозой», онъ былъ вегетаріанцемъ, онъ запретилъ вивисекцію и учредилъ строгій надзоръ за бойнями; общества покровительства животныхъ всячески поощрялись имъ». Дѣломъ его жизни является установление всеобщаго мира на землѣ и «равенства всеобщей сытости». Его книга, которая пролагаетъ ему путь власти надъ міромъ, завоевываетъ міръ словомъ, а не мечемъ, обезоруживаетъ даже враговъ своимъ высокимъ идеализмомъ. «Здѣсь соединяется благородная почтительность къ древнимъ преданіямъ и символамъ съ широкимъ и смѣлымъ радикализмомъ общественно-политическихъ требованій и указаний, неограниченная свобода мысли съ глубочайшимъ пониманіемъ всего мистического, безусловный индивидуализмъ съ горячей преданностью общему благу, самый возвышенный идеализмъ руководящихъ началь съ полною опредѣленностью и жизненностью практическихъ рѣшеній». Въ ней отсутствуетъ имя Христа, но все «содержаніе книги проникнуто истинно-христіанскимъ духомъ дѣятельной любви и всеобщаго благовolenія».. Таковъ антихристъ: въ словѣ, въ дѣлѣ и даже на единѣ со своей совѣстью — воплощенная добродѣтель, даже христіанска окрашенная, хотя и въ корнѣ побубленная отсутствіемъ любви и непомѣрною гордыней. Этотъ изначальный порокъ дѣлаетъ его лже-мессіей, причастникомъ сатанинской благодати, и въ заключительномъ столкновеніи съ исповѣдниками Христа превращаетъ человѣколюбца-мудрца въ отвратительного тирана.

Первый вопросъ, который мы себѣ ставимъ: принадлежитъ ли образъ добродѣтельного антихриста къ составу церковнаго эсхатологического преданія?

Для всякаго читателя «Разговоровъ» ясно, какъ внимательно авторъ относился къ этому преданію, какъ много даже внѣшнихъ чертъ онъ почерпнулъ отсюда: рождение антихриста отъ неизвѣстнаго отца и «сомнительного поведенія» матери,

тайнаственная связь съ сатаной, роль мага Аполлонія, соотвѣтствующаго звѣрю, выходящему изъ земли (Апок. 13,11), его чудеса («огонь съ неба»), Іерусалимъ, какъ мѣсто послѣдней борьбы, восстаніе іудеевъ противъ антихриста, смерть двухъ свидѣтелей, бѣгство вѣрныхъ въ пустыню и т. д. — всѣ эти черты глубоко традиціонныя. Однако , ясно, что кое-въ чемъ Соловьевъ сознательно отступилъ отъ преданія. Такъ, въ «свидѣтеляхъ» онъ видитъ не возставшихъ Моисея и Иллю (или Еноха, Іеремію), а Петра и Ioanna, воплощающихъ Западную и Восточную церкви. Развивая эту идею, онъ долженъ былъ прибавить къ нимъ Павла (докторъ Паули), уже не имѣющаго никакихъ оснований въ традиції, какъ и все видѣніе послѣдняго соединенія церквей. Бросается въ глаза и блѣдность кроваваго фона, на которомъ раскрывается послѣдняя трагедія. Нашествіе монголовъ изображается въ схематическихъ чертахъ. Мы ничего не слышимъ объ опустошениі Европы, къ тому же христіанско человѣчество скоро свергаетъ это иго и въ послѣднемъ столѣтіи своего бытія наслаждается прочнымъ миромъ. Тоже вскользъ (въ послѣдовании) говорится о послѣднемъ гоненіи, во время которого гибнутъ многія тысячи и десятки тысячъ вѣрныхъ христіанъ и евреевъ. Дѣло антихриста совершается въ мірѣ, въ тишинѣ зрѣлой и завершенной цивилизациі, — такова, очевидно , идея Соловьева — тѣсно связанная съ идеей добродѣтельного антихриста. Монголы притянуты за волосы — отчасти, какъ отголосокъ преслѣдовавшей воображеніе Соловьева «желтой опасности», отчасти ради соблюденія апокалиптическихъ приличій.

Все это заставляетъ насъ подойти и къ портрету антихриста въ легендѣ съ сугубой осторожностью. Насъ интересуетъ здѣсь лишь одна черта этого образа: его добродѣтельность. Принадлежитъ ли она къ обще-церковному преданію? Мы вынуждены ограничиться краткой справкой, хотя эта тема по важности своей заслуживала бы самостоятельной работы. Лучшій изслѣдователь преданія сбъ Антихристъ Буссе,*) страннымъ образомъ обошелъ этическую сторону легенды. А между тѣмъ именно въ этомъ пунктѣ преданіе оказывается наименѣе устойчивымъ, по сравнею съ вѣшне биографическими подробностями.

Какъ известно, въ Новомъ Завѣтѣ къ антихристу относятся слѣдующія мѣста: Ioanna 2, 18; 2 Фесал. 1, 2; Откр. 13. Лишь авторъ посланія Ioanna даетъ это имя, впрочемъ не только въ единственномъ числѣ (антихристы наряду съ антихристомъ). Апокалипсисъ Ioanna отнюдь не лежитъ въ основѣ святоотеческой традиції, какъ можно было бы думать, исходя изъ современныхъ представлений. Не всѣ отцы церкви принимаютъ Апокалипсисъ, какъ каноническую книгу (напр. св. Кирилль Іерусалимскій), и большинство подходитъ къ Антихристу не отъ новозавѣтныхъ текстовъ, а отъ пророчества Даніила (гл. 7). Впрочемъ , Буссе, повидимому, правъ, считая, что миѳъ сбъ Антихристѣ развивается въ христіанской церкви въ значитель-

*) W. Bousset. Der Antichrist. Gott. 1885.

ной степени независимо отъ священного писания, на основе какой-то эзотерической, вѣроятно, іудейско-мессіанистической традиціи, не закрѣпленной ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ.

По отношенію къ этическому пониманію Антихриста можно прослѣдить два теченія — мы ограничиваемся древней и преимущественно греческой патристикой. Первое восходитъ къ св. Ипполиту, второе къ св. Иринею.

У св. Ипполита читаемъ: «Во всемъ соблазнитель сей хочетъ казаться подобнымъ Сыну Божію... Снаружи явится, какъ ангелъ, волкомъ будетъ внутри.*)

Этотъ параллелизмъ ложного подражанія Христу проходитъ черезъ всю биографію антихриста у Ипполита, однако не получая этическаго содержанія. Формула «агнца» остается нераскрытої, если отвлечься отъ псевдо-ипполитова, поздняго произведенія «О свершенні вѣка».

Определеніе св. Кирилла Іерусалимскаго: «Сначала какъ мужъ разумный и образованный, онъ напустить на себя лицемѣрную умѣренность и человѣколюбіе. Потомъ же (будучи признанъ Мессіей Г. Ф.) покроетъ себя всѣми преступленіями безчеловѣчія и беззаконія, такъ что превзойдетъ всѣхъ бывшихъ до него злодѣевъ и нечестивцевъ, — имѣя умъ крутой, кровожадный, безжалостный и измѣнчивый.**)

Св. Ефремъ Сиринъ явно развиваетъ мысль Ипполита и даетъ наиболѣе полный образъ лицемѣрнаго праведника: «онъ приметъ зракъ истиннаго пастыря, чтобы обмануть стадо... Представится смиренныи и кроткии, врагомъ неправды, сокрушителемъ идоловъ, великимъ цѣнителемъ благочестія, милостивымъ, покровителемъ бѣдныхъ, необычайно прекраснымъ, кротчайшимъ, яснымъ со всѣми-. И во всемъ этомъ подъ видомъ благочестія будетъ обманывать міръ, пока не добьется царства». Постѣ воцаренія своего онъ сбрасываетъ маску: «Теперь онъ уже не благочестивъ, какъ прежде, не покровитель бѣдныхъ, а во всемъ суровъ, жестокъ, непостояненъ, грозенъ, неумолимъ, мраченъ, ужасенъ и отвратителенъ, безчестенъ, гордъ, преступенъ и безрасуденъ.***)

Эту линію традиціи завершаетъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, быть можетъ расходясь со св. Ефремомъ лишь въ моментѣ перелома: «Въ началѣ своего царствованія или, вѣрнѣе, тираніи, онъ выступить въ лицемѣрномъ одѣяніи святости. Когда же упрочится, будетъ преслѣдовать церковь Божію и явить все злодѣйство свое.****)

Такое пониманіе антихриста, какъ лицемѣра и имитатора Христа, конечно, не чуждо и западной церкви, гдѣ оно принято и Григоріемъ Великимъ, именующимъ всѣхъ лицемѣровъ членами антихриста.*****)

*) Hippolitus. De Christo et antichristo. 6. Migne, Patr. Graca, 10 col. 754.

**) Cyril. Hierosol. Catechesis XV. 12 (cp. 15).

***) St. Ephrem. De consummatione seculi et de Antichristo. Opera omnia. Colonial 1613, pp. 221-222.

****) Ioannes Damascenus. «De fide orthodoxa c. 26. Migne. P. G. 94 col. 1218.

*****) Gregorius. Magnus Moralia. Iob. e. 25. c. 16 Migne P. Z.

Однако, есть и другая , весьма древняя традиція, которая видить въ антихристѣ воплощеніе чистаго, безпримѣснаго зла. Учитель Ипполита св. Ириней Ліонскій ничего не знаетъ о добродѣтеляхъ антихриста. «Придеть онъ не какъ царь праведнаго закона, въ покорности Богу, а какъ нечестивый, неправедный и беззаконный, какъ отступникъ , злодѣй и человѣкоубийца, какъ разбойникъ, повторяющій собою отступничество діавола. *) Если у однихъ отцовъ антихристъ подражаетъ Христу, то у другихъ онъ подражаетъ отцу своему сатанѣ. Съ большою силой идея абсолютнаго антихристова зла развита у Феодорита Киррскаго. «Никуму изъ другихъ людей, кого діаволъ научилъ сдѣлаться работниками грѣха, онъ не сообщилъ всѣхъ идей зла. Ему же , самъ всецѣло ему сопричастный, онъ открылъ всѣ мыслимыя ухищренія своей злой природы... «всю энергию грѣха»..**) Да и св. Кипріанъ едва ли думалъ о лицемѣрной добродѣтели антихриста, когда говорилъ о его угрозахъ, совращеніяхъ и лупанаріяхъ***). Для позднѣйшей латинской легенды весьма характерно, что доминиканецъ Мальвенда, посвятившій антихристу обширный фалантъ въ началѣ 17 вѣка,****) могъ отвесити лишь одну страницу «лицемѣрію» (Lob. VI с. I) своего героя съ единственной ссылкой изъ западныхъ на папу Григорія, между тѣмъ какъ главы о роскоши, пирахъ и сладострастіи его разрослись въ цѣлые трактаты.

Не будемъ умножать цитатъ. Мы не пишемъ изслѣдованія объ антихристѣ и его легендѣ. Для нашей *отрицательной* задачи и приведенныхъ ссылокъ достаточно , чтобы сдѣлать нѣкоторые выводы.

1. Въ церкви не существуетъ единой, общеобязательной и во всемъ согласной традиціи объ антихристѣ.

2. Одно изъ двухъ теченій въ церковномъ преданіи склонно рассматривать антихриста, какъ чистое зло.

3. Другое, преобладающее теченіе видить въ добродѣтеляхъ антихриста простое лицемѣріе, средство для захвата власти надъ міромъ, которое отпадаетъ тотчасъ же послѣ того, какъ цѣль достигнута. Послѣдующая тиранія и злодѣянія антихриста рисуются здѣсь столь же яркими чертами, какъ у писателей первой группы.

Ни у кого изъ приведенныхъ отцовъ мы не находимъ и намека на искренность добродѣтели, на самообманъ послѣдняго обманщика.

*) Irinaeus. Lugd. Contra haeresis. V. 25. Migne. P. L.

**) Theodoreius Cyprianius. Haer. fabul. compendium. lob. V; c. 23. De antichristo. Mi. P. Z 83. col 532, 529.

***) Cyprianus. De immortalitate. c. 15. Mi. P. L.

****) Thomas Malvenda. De antichristo libri XI. Romae 1604.

II.

Подчеркивая отсутствие въ древней традиції корней соловьевского антихриста, мы вовсе не желаемъ этимъ опорочить его. . Модернизмъ этого образа еще не означаетъ его лживости. Мы хотимъ только имѣть по отношенію къ нему развязанные руки. Теперь мы можемъ быть увѣрены, что, оцѣнивая его, имѣемъ дѣло съ домысломъ или прозрѣніемъ нашего современника, а не съ тысячелѣтнимъ голосомъ церкви.

Какъ можно оцѣнивать пророчество до его исполненія? Эта попытка покажется не столь безсмысленной, если отдать себѣ отчетъ въ томъ, что пророчествующій современникъ исходитъ изъ ощущенія своего — нашего — времени, и можетъ оказаться объективно правымъ или неправымъ въ своей исторической интуиціи. Четверть вѣка, лежащая между нами — одна изъ самыхъ бурныхъ и значительныхъ эпохъ нового человѣчества — даетъ уже нѣкоторый матеріалъ для провѣрки. Можно оцѣнивать пророчество и съ другой точки зрѣнія — pragmatischenk: съ точки зрѣнія жизненныхъ, религіозно -моральныхъ выводовъ, изъ него вытекающихъ. Посмотримъ же на созданіе Соловьева глазами историка и глазами pragmatika.

Каковы бы ни были литературные образцы Соловьева, ясно одно: въ своей концепціі онъ закрѣпилъ опытъ XIX столѣтія и продолжилъ въ вѣка линіи его судьбы. Субъективно, судя по темѣ всѣхъ «терхъ разговоровъ» и предисловію къ нимъ автора, Соловьевъ, создавая образъ антихриста, преслѣдоваль цѣль разоблаченія нецерковнаго добра въ ученіи и жизни Льва Толстого. Но несомнѣнно, художникъ здѣсь обманулъ критика. Ни одной чертой геніальный сверхчеловѣкъ , примиритель всѣхъ противорѣчій, завершитель культурнаго дѣла вѣковъ не напоминаетъ односторонняго и анти-культурнаго моралиста изъ Ясной Поляны. Зато несомнѣнно чувствуется въ формахъ его исторического дѣла образъ Наполеона, а въ идеиномъ содержаніи этого дѣла синтезъ научнаго, соціалистического и теософскаго движений XIX вѣка.

Пониманіе соціализма, какъ позитивистскаго рая всеобщей сытости, завершающаго европейскую цивилизацию, было дано Соловьеву Достовескимъ. Теософію Соловьевъ прибавилъ отъ себя , сообразно съ увлеченіями и вкусами молодости. Идея императора-ученаго, без болѣзненно разрѣшающаго есть проклятые вопросы человѣчества, конечно, сильно отзывается О. Контомъ, напоминая о другомъ старомъ увлеченіи автора.

При всей своей прозорливости, Соловьевъ, дитя XIX вѣка и, борясь съ нимъ всю жизньъ, онъ не можетъ выйти изъ его тѣни. Онъ загипнотизированъ комфортабельной прочностью его цивилизациі, бѣрою въ окончательность установленнаго

имъ мира: Рах Европаеа. Въ какой-то ирраціональной русской части своей души Соловьевъ терзался видѣніями монгольскихъ ордъ: словно предчувствоvalъ гибель имперіи:

«И желтымъ дѣтямъ на забаву
Дадутъ клочки твоихъ знаменъ».

Это о Россіи у него сказано.

Но, когда онъ судить о будущемъ европейской цивилизациі, онъ не чувствуетъ кризиса. Монгольская болѣзнь безъ труда преодолѣвается сильнымъ организмомъ. Всѣ вопросы, раздирающіе старую Европу, соціальный въ томъ числѣ, разрѣшаются съ необыкновенной легкостью методомъ антихриста, т. е. просвѣщенного государственного разума. Послѣдній громъ грянетъ среди безоблачнаго неба спокойной, достигшей своего зенита, великой цивилизациі. Въ этомъ Соловьевъ отступаетъ, какъ мы видѣли, отъ всей христіанской апокалиптической традиціи ради приспособленія къ своей перспективѣ — перспективы XIX вѣка.

Можно сказать, что Соловьеву было совершенно чуждо ощущеніе взрывчатости веществъ, изъ которыхъ слагается наша культура: гибель Титаника, Мессина, мировая война, связь которыхъ пронзила Блока, остались внѣ поля зрѣнія Соловьева. Нельзя читать безъ улыбки идиллическія описанія войнъ XX вѣка въ его «Легендѣ». Оно списано съ русско-турецкой войны 1877 года, которая осталась самымъ сильнымъ историческимъ впечатлѣніемъ всей его жизни (Ср. Разсказъ генерала). Поразительно полное отсутствіе технической фантазіи въ его романѣ будущаго и онъ не предвидѣть даже авиації, отставая отъ Жюль-Верна и Уэльса. Впрочемъ, быть можетъ, онъ умышленно закрываетъ глаза на виѣшнюю сторону жизни, — это его право. Но вотъ, чего онъ не имѣлъ права не видѣть:

Европейская цивилизация, убаюкивая себя призракомъ безконечнаго равномѣрно-поступательного движенія, вступила (уже при Соловьевѣ) въ полосу мучительнаго кризиса, изъ котораго ей суждено или выйти совершенно обновленной, неизучаемой, или погибнуть,

Соловьевъ проглядѣлъ рость имперіализма, готовившаго міровую войну; особенно имперіализмъ духа, отрицающаго цѣнность любви къ человѣку. Бисмаркъ и Марксъ, Ницше и Вагнеръ, Плехановъ и Ленинъ были просто не замѣчены имъ. Онъ жилъ въ гуманномъ обществѣ Конта и Милля, Спенсера и Гладстона.

Соловьевъ проглядѣлъ «декадентство» и символизмъ, хотя и былъ однимъ изъ основателей послѣдняго, проглядѣлъ смерть натурализма и рожденіе совершенно новаго эстетического воспріятія міра.

Соловьевъ умеръ, не увидѣвъ кризиса, поразившаго не только материалистическую, но и идеалистическую философію, открывшаго возможность новой религіозной метафизики, конкретно-реалистической, а слѣдовательно, христіанской.

Соловьевъ проглядѣлъ возрожденіе католической церкви, отчасти связанное съ рожденіемъ новой художественной души (Верленъ, Бодлеръ, Уайльдъ и Гюисманъ) и предвѣщавшее, въ родственномъ кризисѣ русскаго духа возрожденіе православія.

Все это говоримъ не въ укоръ ему, а въ укоръ тѣмъ изъ нашихъ современниковъ, которыхъ ничему не научилъ опытъ цѣлаго поколѣнія.

Чему учить этотъ опытъ?

Во-первыхъ , тому, что дѣло вселенскаго , а не катакомбнаго только строительства церкви не безнадежно. Европейская культура въ своихъ духовныхъ вершинахъ опять готова, какъ спѣлый плодъ, упасть къ ногамъ Христа. Миръ, повидимому, вступаетъ въ новую эру христіанской культуры. Снова церковь призвана выйти изъ подземелій (или семинарій) на улицы городовъ, въ аудиторіи университетовъ и во дворцы парламентовъ. Готовы ли мы къ тому?

Во-вторыхъ. Противникъ , «антихристъ», который еще силенъ, пересталъ носить маску гуманизма, т. е. человѣческаго добра. Враждебная христіанству цивилизація, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ своихъ становится антигуманистической, безчеловѣчной. Безчеловѣчна техника, давно отказавшаяся служить комфорту ради идеи самодавлѣющей производительности, пожирающей производителя. Безчеловѣчно искусство, изгнавшее человѣка изъ своего созерцанія и упоеенное творчествомъ чистыхъ , абстрактныхъ формъ. Безчеловѣчно государство, вскрывшее свой звѣринъ ликъ въ міровой войнѣ и теперь толчущее святыни личной свободы и права въ половинѣ Европейскихъ странъ. Безчеловѣчны (принципіально, т. е. антигуманистичны) одинаково и коммунизмъ , и фашизмъ, разсматривающіе личность, какъ атомъ, завороженные грандіозностью массъ и соціальныхъ конструкцій.

Многіе видятъ теперь въ коммунизмѣ предѣльное выражение антихристова на-тиска на христіанство. Пусть такъ. Но, что открыла намъ Россія? Неужели коммунизмъ можетъ быть причисленъ къ типу гуманистическихъ міровоззрѣній, а творимое имъ дѣло къ соблазну доброму? Для марксизма, особенно русскаго, характерна съ самаго начала положительная ненависть къ этическому обоснованію своихъ цѣлей. Для него нѣть ничего презреннѣе «слюняваго идеализма». Не состраданіемъ и даже не справедливостью соблазняетъ онъ («развѣ есть вѣкласосвая справедливость?»), а только удовлетвореніемъ интересовъ; не благомъ, а благами, и еще въ подсознательномъ, но дѣйственномъ Центрѣ своемъ, сладостью мести, пафосомъ клас-совой ненависти.

Необыкновенно поучительно вообще развитіе, — вѣрнѣе возрожденіе соціалистической идеи за послѣднее столѣтіе. Сперва она является въ видѣ христіанской секты, жившей паѳосомъ человѣчности: Вейтлинъ, Сенъ-Симонъ, Жоржъ-Зандъ. Такой зналъ ее петрашевецъ Достоевскій, посвятившій всю жизнь на ее разложе-

ніє. Потомъ марксизмъ , и соціаль-демократія. Не гуманизмъ, но все-таки гуманность, утилитаризмъ, но связанный этосомъ буржуазнаго XIX вѣка. Наконецъ, коммунизмъ, порывающій и съ этикой и съ гуманизмомъ. Впрочемъ, ту же линію мы можемъ прослѣдить и въ идеологіяхъ реакціі, кончающей культомъ грубой силы и диктатуры.

Итакъ, чистая, безбожная человѣчность не является послѣднимъ соблазномъ — въ предѣлахъ нашей культуры. Это среднее, исчезающее нынѣ звено нисходящаго ряда: Богочеловѣкъ — человѣкъ — звѣрь (машина). Теплота человѣческаго добра («не холоденъ, не горячъ») лишь процессъ охлажденія пламенной любви Христовой къ лицу человѣческому — «единому изъ братьевъ моихъ». Она можетъ быть временнай маской темной силы — все годится въ личины для неимѣющаго Лица, — но маска уже срывается. Она стѣснительна . Соблазнъ человѣкоубийства для темныхъ душъ дѣйственнѣе соблазновъ человѣколюбія.

Откуда возникаетъ иллюзія тонкаго обмана въ томъ, что, по существу является лишь фазой наивнаго огрубѣнія духа.? Въ XIX вѣкѣ христіанская церковь, оскудѣвшая святостью и еще болѣе мудростью, оказалась лицомъ къ лицу съ могучей, рационально-сложной и человѣчески доброй культурой. Передъ ней прошелъ соблазнительный рядъ «святыхъ невѣрующихъ въ Бога». Для кого соблазнительныхъ? Для немощныхъ христіанъ, — а какъ мало было сильныхъ среди нихъ! Въ паникѣ, въ сознаніи своего историческаго бессилія и изоляціі, порѣдѣвшее христіанское общество отказалось признать въ свѣтскихъ праведникѣахъ — заблудшихъ овецъ Христовыхъ, отказались увидѣть на лицѣ ихъ знаменіе «Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ». Въ этомъ свѣтѣ почудилось отраженіе люциферического сіяння антихриста. Ужаснувшись хулы на Сына Человѣческаго, впали въ еще болѣе тяжкую хулу на Духа Святаго, Который дышитъ, гдѣ хочетъ, а говорить устами не только язычниковъ, но и ихъ ослицъ.

III.

Но это приводитъ насъ къ иной, не исторической уже оцѣнкѣ того обольщенія, которое мы называемъ миражемъ антихриста добра.

Роковымъ послѣдствіемъ подобной установки, когда она пріобрѣтаетъ власть надъ духомъ, особенно въ эсхатологически напряженную эпоху, какъ наша, является подозрительность къ добру. Въ средніе вѣка инквизиторъ разыскивалъ еретика-манихея по аскетической блѣдности лица, по отвращеніи къ мясу, вину и крови, по воздержанію отъ брака и клятвы. Для доброго католика оставалось нагуливать розовые щеки, божиться на каждомъ шагу, пьянствовать и драться въ тавернахъ. Въ наши дни русское религіозное возрожденіе протекало въ борьбѣ съ традиція-

ми интеллигентского старовѣрія. Но русская интеллигенція отличалась въ лучшіе времена своей моральной строгостью. Она была цѣломудренна, великодушна, презирала мамону, имѣла сердце чувствительное къ человѣческимъ страданіямъ, и волю, готовую на самопожертвованіе. Она создала рядъ подвижниковъ, выгодно отличавшихся отъ упадочного быта христіанскаго, даже духовнаго общества. Соловьевъ столкнулся съ ней въ борьбѣ противъ толстовства. Другіе имѣли передъ глазами мучениковъ революціи и, возненавидѣвъ всей душой ихъ безбожную праведность, сознательно или безсознательно противопоставили ей православный имморализмъ. Безбожники цѣломудренны — намъ дозволены бездны содомскія, безбожники любятъ нищихъ и обездоленныхъ — мы требуемъ для нихъ розгъ и свинца, безбожники проповѣдуютъ братство народовъ — мы защищаемъ вѣчную войну, безбожники отрекаются отъ имѣнія, — мы хотимъ святого буржуазнаго быта, безбожники преклоняются передъ наукой — мы поносимъ разумъ, безбожники проповѣдуютъ любовь — мы «святое насилие», «святую месть», «святую ненависть». Антихристъ такъ похожъ на Христа, что люди, боясь обмануться, — вѣрнѣе, отталкиваемые ненавистью — начинаютъ ненавидѣть самый образъ Христовъ. Внѣшнимъ показателемъ этого тайного отвращенія является низкая оцѣнка, если не полное непріятіе евангелія въ нео-христіанскихъ кругахъ.

Леонтьевъ и Розановъ были самыми яркими носителями этого православнаго имморализма. Соловьевъ остался чистъ отъ него, но, вѣдь вся его жизнь была посвящена служенію христіанскому идеалу, несовмѣстимому съ Легендой объ антихристѣ. Соловьевъ написалъ «Оправданіе Добра». Посрѣдь «Трехъ разговоровъ» никто не хочетъ читать этой книги. Ее находятъ прѣсной. Еще бы, зло куда интереснѣе добра, и ни одинъ аскетический трактатъ не выдержитъ сравненія съ Камасутрай. Съ присущей ему остротой и откровенностью В. В. Розановъ обмолвился разъ, что у всѣхъ современныхъ христіанъ имѣется какой-нибудь органический порокъ, что и отличаетъ ихъ отъ чистыхъ, и гордыхъ безбожниковъ. Не въ томъ бѣда, что люди приходятъ ко Христу путемъ грѣха (путемъ мытаря и разбойника), а въ томъ, что утверждаютъ грѣхъ во Христѣ.

Шарахаясь отъ антихриста, попадаютъ въ объятія дьявола. Антихристъ-то, можетъ быть, мнимый, а дьяволъ ужъ явно подлинный: копыть не спрячешь! Мы имѣемъ классическое опредѣленіе: «Сей человѣкоубійца бѣ искони и во истинѣ не стоитъ». Всюду, гдѣ явленъ паѳосъ человѣкоубийства и паѳосъ лжи (не говорю, убийство и ложь, потому что они и отъ немощи человѣческой), тамъ мы знаемъ, чей это духъ, какимъ бы именемъ онъ не прикрывался: даже именемъ Христовымъ.

Есть проблема гораздо болѣе мучительная для христіанского сознанія, чѣмъ проблема «святого, не вѣрующаго въ Бога»: это проблема «святого сатаны». Слова, обращенные полуушутя, вѣрнѣе подсказанные духомъ стиля кардиналу Петру Да-міані о его великомъ другѣ, папѣ Григоріѣ VII, намекаютъ на какую-то страшную

мистическую правду. Можетъ ли сатана принимать образъ «святого», ревнителя церкви? Является ли имя Христово или кресть Его достаточнымъ огражденіемъ?

О многихъ подвижникахъ мы читаемъ, что сатана искушалъ ихъ въ одѣяніи «ангела». Святому Мартину онъ предсталъ въ образѣ Христовомъ, требуя поклоненія, но не смогъ обмануть прозорливаго. Слишкомъ сильно запечатлѣлась въ сердцѣ Мартина память о ранахъ крестныхъ, о терновомъ вѣнцѣ и не поклонился онъ облеченному въ діадему и порфиру. Само собою напрашивается мысль о томъ, что созерцаніе діадемы, т. е. земного могущества церкви притупляетъ созерцаніе терній и угашаетъ даръ различенія духовъ.

Мы, православные, не можемъ отрѣшиться отъ ощущенія соблазна сатанизма въ нѣкоторые моменты исторіи католичества. Что же сказать, безъ ложной гордости, о насы самихъ. Много грѣховъ было въ русской церкви, но отъ сатанизма она была чиста — до сихъ поръ. Наши грѣхи — грѣхи немощи. Ложь — отъ невѣжества, человѣкоубийство изъ трусости. Отъ паѳоса крови насы миловалъ Богъ. Но въ самые послѣдніе дни сатанизмъ, путями, о которыхъ сказано выше, сталъ заползть и въ русскую церковь. Имморализмъ интеллигентской реакціи, соприкасаясь съ соблазнами непросвѣтленнаго аскетизма, давалъ острый букетъ ненависти къ плоти и духу человѣческому. Мистицизмъ безъ любви вырождается въ магію, аскетизмъ — въ жестокосердіе, само христіанство въ языческую религию мистерій. Какъ тѣло Христово можетъ быть сдѣлано орудіемъ волхованій и кощунственныхъ черныхъ мессъ, такъ и имя Христово можетъ быть знакомъ для религіи сатаны. Внѣцерковному добру антихриста противополагается оцерковленное зло его отца. И во сколько разъ страшнѣе этотъ соблазнъ.

Перечтите приведенные выше свидѣтельства отцовъ — Ефрема Сирина, Дамаскина. Для нихъ антихристъ приходитъ въ одѣянія не только добра, но и святости, благочестія. Они предвидѣли опасность и указали на нее. Врагъ не за оградой, а въ стѣнахъ!

Кого въ наши дни можетъ соблазнить идеаль позитивной добродѣтели? Лишь наивныхъ и слабыхъ умомъ. То міровоззрѣніе, которое стояло передъ Соловьевымъ, какъ несокрушимая стѣна, уже обвѣтшало, трещины віяются въ немъ повсюду, оно представляется намъ уже примитивно-грубымъ. Къ нему влекутся малые сіи по дѣлѣскости ума, въ разладѣ съ сердцемъ. Но достоинъ ли этоѣ обманъ тонкаго и умнаго искусителя. Поставьте противъ него мудрую и глубокую теологію, эстетическое обаяніе культа, мистику таинствъ, соблазны тонкой гордыни, ложнаго смиренія, тонкой эротики ложнаго аскетизма — церковь безъ любви, христіанство безъ Христа, — и вы почувствуете, что здѣсь предѣльный обманъ, предѣльная мерзость на мѣстѣ святомъ. Такимъ только и можно представить себѣ антихриста.

По счастью эта темная тѣнь легла лишь по краямъ нашего религіознаго возрожденія, какъ пѣна, поднятая духовной бурей. Въ крови мучениковъ омыты многіе

грѣхи. Сатанинскіе соблазны безсильны въ чась исповѣдничества. Но они еще живутъ для тѣхъ, особливо укрытыхъ подъ безопаснымъ кровомъ, въ комъ гоненіе будить ненависть, а кровь призываетъ кровь.

Въ ослѣплѣніи муки трудно сохранить ясность зрењія. Трудно вѣрно оцѣнить враждебныя силы «мїра сего», и наше мѣсто въ этомъ мірѣ. Для многихъ крушеніе русскаго царства оказалось равнозначнымъ не только гибели Россіи, но и гибели міра. Апокалиптическія настроенія легко овладѣваютъ умами, и въ этихъ настроеніяхъ предсмертное произведеніе В. Соловьева пріобрѣтаетъ неподобающее ему пророческое значеніе.

Въ мирную, но удушливую, предгрозовую эпоху, когда оно писалось, оно еще не раскрыло всѣхъ заложенныхъ въ немъ темныхъ возможностей. Оно уже освѣщало разрывъ между христіанствомъ и культурой, окончательный уходъ церкви изъ міра, малодушный отказъ отъ борьбы. Но чистота его — морально-религіознаго вдохновенія несомнѣнна. Только въ процессѣ жестокой политической борьбы, раздирающей Россію въ XX столѣтіи, отрицательные формулы Соловьева стали принимать положительно-сатанинское содержаніе. И то и другое было мѣстнымъ (русскимъ) временнымъ искаженіемъ отношенія Церкви къ міру: какъ къ землѣ принимающей съмѧ — Слово, какъ къ сонму оглашаемыхъ, какъ къ потеряннымъ овцамъ Христовымъ. Нынѣ міръ, наполовину позабывшій Христа, но въ своей жизни и пророчествѣ хранящій неизгладимую печать Его, опять, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, мучится духовной жаждой. Настало время повторить слова примиренія:

«Афиняне! по всему вижу я, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашель и жертвеннікъ, на которомъ написано : «невѣдомому Богу». Сего-то, Котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ».

Г. П. ФЕДОТОВЪ.